

а в то же время они были“¹ — он имел, очевидно, в виду именно эту особенность древне-русского языка, отразившуюся даже в документах, отнюдь не стремившихся к художественности изложения. И если тот же автор утверждал, что „и памятники не литературного назначения можно изучать в интересах литературоведения“², то это утверждение должно быть понимаемо не в том смысле, что „не литературные“ памятники необходимо на равных правах вводить в историю литературы, а в том, что язык этих памятников подводит нас к пониманию сущности того живого русского языка, средствами которого, в определенном отборе и каждый со своими целями, пользовались и писатель и народный поэт и на котором они воспитывали свой вкус к художественному слову.

При использовании в литературе живого русского языка создавалось иногда разительное сходство между литературным и фольклорным применением одних и тех же, свойственных языку в целом, выражений. Однако нет надобности в таких случаях даже и ставить вопроса о том, какая область словесного творчества „влияла“ на другую — фольклор на литературу или наоборот.

Но для того, чтобы снять самый этот вопрос, необходимо основательно разобраться в том, какие же явления следует относить к области языка в целом, какие представляют специфическую принадлежность книжного литературного языка и, наконец, что можно считать своеобразным приемом устно-поэтической речи. Вся эта группа вопросов требует настоятельно помощи литературоведам со стороны лингвистов и фольклористов. Насколько плодотворным окажется такое сотрудничество, видно из публикуемой ниже статьи А. П. Евгеньевой („Язык русской устной поэзии“). Внимательный анализ так называемых синонимических сочетаний — парных, бессоюзных (типа „знаю-ведаю“, „путь-дорога“, „бой-драка“ и т. п.) приводит автора к выводу: сочетания синонимов — явление, свойственное и характерное почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом. Они в письменной литературе и разговорном языке очень редки и представляют собой заимствования из устной поэзии.

В хорошо разработанной именно советскими литературоведами методике параллельного изучения литературной и фольклорной трактовки данного сюжета, мотива или образа справедливо отводится внимание установлению не только сходства, но и качественного отличия в восприятии одних и тех же фактов действительности в письменной и устной традиции. Если же совпадение оказывается полным или наблюдается в основных чертах, тогда перед исследователем встает вопрос: что так сроднило писателя и народного поэта?

¹ Древняя русская литература XI—XVI вв., М.—Л., 1937, стр. 10.

² Там же, стр. 11.